

Последний поединок / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 22 января, 2025

Последний поединок / рассказ ПОСЛЕДНИЙ ПОЕДИНОК

В прошлый раз он за семь золотников опия продал последнее богатство – воду на два танапа земли. Жена Амангуль металась и упрашивала: «Аллагулы, не делай этого, милый мой. Без воды на корню пропадёт пшеница, останется одна солома. Чем будем кормить детей в холодную зиму?! Пропадёт без влаги люцерна чем будем кормить скот?! Лучше бы за эту гадость продал первый укос люцерны. Как же ты посмел воду-то...»

– Я уже продал и второй и третий укос, – пробурчал еле слышно Аллагулы, испытывая страшную ломоту в теле.

Амангуль застыла на мгновение, и еле слышно простонала:

– Значит, и это ты пропустил через дурман, несчастный.

Аллагулы с трудом приподнялся и попытался пригрозить, с трудом подбирая и выговаривая слова:

– Эй, ты, баба! Я тебе покажу, кто из нас несчастный! Вы ещё не знаете, кто такой Аллагулы.

Амангуль, уже не в силах сдерживаться, рыдая, прокричала в ответ:

– Прошу тебя, помолчи. Все знают в ауле, кто ты есть!

Аллагулы попытался что-то возразить, но сил уже не осталось, и он, уткнувшись в подушку, жалобно застонал.

В это же время в большой кибитке Махтумкули-хана собрались почтенные старики-аксакалы. Судя по угрюмым лицам, разговор предстоял непростой.

Хозяин дома, Махтумкули-хан, почитаемый в селе за честность, рассудительность, сдержанность, окинув взором сидящих, начал разговор:

– Ишанкулы, бедняга, был честен и чист во всех отношениях. Но вот его единственный сын оказался подлецом. Весь дом, всё своё богатство променял на опий. А теперь, говорят, и свой пай воды отдал ради этого дурмана. Вот такое несчастье.

Махтумкули-хан помолчал немного, откашлялся и продолжил:

– Парень сбился с пути. Это всем нам позор. Не доглядели... В старые времена таких, как он, изгоняли из села.

Наступила пауза. Слово взял Ходжам-ахун:

– А что, если мы сделаем так... Вызовем сюда Аллагулы и поговорим с ним начистоту. Не будем же без него решать вопрос. Какой бы он ни был – всё же человек! Может, что-то сказать или попросить захочет. Надо послушать его.

Сидящие согласно закивали. Предложение ахуна было справедливым... Махтумкули-хан тут же распорядился пригласить Аллагулы. Ждать пришлось недолго. Еле держась на ногах, вошёл в дом Аллагулы. Присел. Смотреть на него было больно и тяжело.

– Я расскажу вам одну притчу, – начал степенно Махтумкули-хан.

– Во все времена враги туркмен думали, как можно поработить наш народ. Приближённые хана, побывав у туркмен, говорили:

– Туркмены – народ очень дружный. Их невозможно поработить. В какое село ни придёшь, в середине села один или два тамдыра. Если в селе тамдыров мало, значить живёт народ дружно. А такой народ не победить. Хан в гневе: «Найдите любое средство, чтобы можно было одолеть этот народ!» И вот однажды к хану пришёл старик и сказал:

– Дайте мне полгода, и я найду средство.

– Если надо, я готов ждать и целый год! – ответил хан. – Говори свои условия!

– Условия мои просты! – Старик подполз к хану и, чтобы никто не слышал, что-то сказал ему на ухо. Лисо хана посветлело.

– Вот это уже другой разговор, – довольно произнес он.

А старик поселился в селе. Подружился с соседями, охотно рассказывал о себе: «Я ведь родился здесь. Но вскоре после рождения мои родители оставили эти места. Но меня всегда тянуло сюда. Хоёт бы оставшиеся годы прожить в своём родном селе». Люди поверили старику, помогли поставить кибитку, не отказывали ни в чём. Благословенны стремления человека жить на родине! Немного привыкнув, старик приступил к осуществлению своего плана. Объявил себя лекарем, и всем, кто приходил за помощью, давал терьяк, всячески превознося это средство. Начал приучать курить терьяк молодых парней. С ним было проще, ведь молодёжь любит новые ощущения. А дурные привычки, как

известно, быстро распространяются. Постепенно многие в селе стали привыкать к дурману. Старик знал свое дело. С чувством исполненного долга вернулся он к хану:

– Мой хан, за полгода я вырастил немало заядлых наркоманов. Из-за терьяка они друг друга перегрызть готовы! Теперь беспокоиться нечего. Уж теперь туркмены для тебя не страшны. Так что можешь смело идти на них.

Обрадованный хан послал свои войска на туркмен. Смотрит: действительно, так оно и есть, как говорил старик.

...Закончил притчу Махтумкули-хан. Задумались односельчане. Сник Аллагулы, который, конечно же, понял, что привело сюда всех этих людей...

– Если не возражаете, люди, поступим так, как договорились, – нарушил молчание Махтумкули-хан. – Аллагулы, мы решили отправить тебя в местечко Секизаджи, что далеко в пустыне. Мамеднияз-арчин будет каждую неделю доставлять туда еду. Да ещё прикажем, чтобы ничья нога не ступала в те края! Я другого выхода не вижу! Что ты скажешь на это? Мы готовы выслушать тебя.

Аллагулы ещё ниже опустил голову. Губы его что-то прошептали, но присутствующие так ничего и не услышали.

– Правильное решение, – подвёл итог Гутлымурат-бай. – Лучшего выхода не придумаешь. В знак согласия все снова закивали головами.

– Прошу вас, не отлучайте меня от людей! – наконец проговорил Аллагулы, – простите мен!..

Но совет уже принял решение.

К вечеру переселенцы добрались до места. Мамеднияз и его помощники быстро установили кибитку. Амангуль с детьми разложили нехитрые пожитки.

«...Хан сослал Аллагулы в пустыню, где одни волки. Отныне всех, кто курил терьяк, ожидает такая участь. Всех, кто увлекается этим дурманом, ожидает такая же кара». – распространился по селу слух. Это подействовало на тех, кто баловался зельем. «Давно надо было так поступить», – говорили люди села.

Аллагулы всё это время был как в тумане; что-то бормотал,

выкрикивал, кого-то ругал, кому-то угрожал. Амангуль не отходила от мужа. Поправляла постель, подушки, вытирала с лица холодный пот. Состояние мужа пугало её. «Не дай Бог, чтобы Аллагулы умер здесь, в этих краях», – думала она. «Если поднимется на ноги, всё сделаю. Отблагодарю Аллаха. Детишкам нужен отец».

Мамеднияз появился ровно через неделю. Аллагулы лежал на кошме у порога кибитки. После взаимного приветствия Мамеднияз, погладив короткие усы, усмехнулся:

– О, не дай Бог сглазит тебя. Лицо посветлело. Видеть, воздух пустыни делает своё дело.

Аллагулы слабо улыбнулся:

– Или воздух пустыни, или ещё что-то, но действует. Целую неделю горлом шла кровь. Далеко зашёл я с этим дурманом, что и говорить!

– Эх, Аллагулы, благодари Бога, что концы не отдал. В народе говорят: «Хочешь навредить своему врагу – дай ему терьяк». Мамеднияз достал чувал, привезённый из аула.

– О тебя лишь кости остались. Но, ничего, главное – ты смог сбросить с себя всю тяжесть этой страшной болезни. Если смог продержаться неделю, это уже хорошо. Вот, бери, это целый баран! Будешь хорошо есть, быстро поднимешься на ноги.

– А эту верблюдицу, – обратился Мамеднияз к Амангуль, – я привёл по велению Махтумкули-хана. Хан сказал, что дети не должны оставаться без молока.

Лицо Амангуль просветлело от радости, и она благодарно кивнула. Вечером Мамеднияз собрался в обратный путь. Прощаясь, он сказал Аллагулы:

– Человека губят две вещи. Безделье и болезнь. Ты не обижайся хватит лежать, постарайся заняться чем-то полезным. По мере сил собирай саксаул, будет хороший уголь. Это уже дело. А я буду возить его в село. Выручку отдам тебе.

Самое страшное осталось позади. Теперь Аллагулы не трясло, не тошнило, прекратилось кровохарканье. Дело шло на поправку.

– Сегодня среда. Говорят, что в этот день все дороги открыты. Я бы хотел сегодня по мере сил поработать. Помню, ещё в детстве с отцом ездил за саксаулом. Так что это дело меня не

новое. Может, Бог даст силы. – С таким словами Аллагулы приступил к работе.

Амангуль пожалела мужа:

– Ты смотри, не надорвись. Я тоже по мере сил тебе помогу.

...Аллагулы принялся за работу. По возможности помогала ему Амангуль. Работа была не из легких: собрать саксаул, сжечь его, а полученные угли закопать в песок, подальше от солнца.

– За тобой теперь только поспевай! – шутил каждый день Мамеднияз, увозя готовый уголь в аул.

– То вы меня за лень ругали, а теперь за быструю работу – не угодить вам! – шутливо отвечал Аллагулы.

В конце осени немного похолодало. Аллагулы попросил жену дать ему халат потеплее. Надев свой старенький халат, он машинально сунул руку в карман и, вздрогнув, как ужаленный, отдернул руку. В кармане лежал аккуратно завернутый в бумагу, крошечный кусочек терьяка. Как же он мог затеряться на дне кармана? Или сам Аллагулы, забывшись, положил его туда и забыл. И как он мог забыть?! Впрочем, сколько дней прошло, как в тумане!..

Он держал его в руке, как раскалённый кусок угля. И в какой-то момент, будто не в силах терпеть эту боль, что есть силы швырнул его в куст саксаульника. Вытер руки о халат и чуть ли не бегом бросился прочь от этого места. Но что-то остановило его. Постояв немного, Аллагулы повернулся и зашагал к саксаульнику. Он нашёл место, где лежал кусочек терьяка и неторопливо на него помочился. Он то улыбался, то что-то бормотал, сморщив лицо... Его лицо сияло, словно он выиграл свой поединок.

– У Аллагулы сын родился! – радовалось всё село.

В память о своём пребывании в ханской «ссылке» назвал своего сына Сазак.

Ровно через два года Махтумкули-хан разрешил вернуться в село. С бьющимся сердцем шёл по селу Аллагулы и, подойдя к месту, где стояла его старенькая кибитка остановился, не веря глазам: на её месте высился красавец дом.

– Этот дом твоим честным трудом заработан, Аллагулы. Пока ты в пустыне работал, мы тебе здесь поставили новый дом. Шесть комнат в нём. Дай Бог тебе жить здесь счастливо! – сказал

Махтумкули-хан, обнимая Аллагулы.

Не к лицу мужчине слёзы, но как не пытался сдержать себя Аллагулы, не вышло. Впрочем, никто этого, может быть, и не заметил. Или сделали вид, что ни заметили.

Перевод Ирины СТОЛБУНОВОЙ. Некаýalar